

Эдуард Богуш

Три разных армии

Армейские рассказы

Артиллерийская дуэль

Поезд Минск — Москва отставал от графика. Я не столько знал это, сколько чувствовал, ибо часто ездил этим маршрутом.

Неожиданно в купе постучали.

— Входите!

В проёме появился улыбающийся проводник с двумя подстаканниками.

— Доброе утро, как заказывали, два кофе.

— Доброе, — я отодвинул часть бумаг, освобождая место для кофе. — Который час?

— Шесть тридцать пять. — Проводник поставил стаканы. — Раненько встали. Много работы?

Я устало кивнул в ответ.

В Минске, чтоб мне не мешали, пришлось купить два билета в одно купе спального вагона. Другой возможности закончить рукопись я не видел. Времени в обрез. Прямо с поезда в редакцию, до обеда отпечатать и положить на стол главному. Домой, в лучшем случае, попаду не раньше вечера.

После интервью с Верой Николаевной, дочерью одного из героев моего очерка, всё ранее написанное пришлось переделывать. Ибо то, что она рассказала, в корне меняло его суть.

Я расплатился за кофе.

— Сколько до Москвы?

— По графику через три часа будем, а там как карта ляжет.

— Через час принесите еще два кофе.

— Сделаем, — проводник тихо закрыл дверь.

Сегодня я не просто рано встал, я вообще не ложился.

Очерк о давнем, но интересном эпизоде войны, должен лежать у главного редактора газеты еще второго мая, в набор пойти десятого, а сегодня было шестое. Но, вдруг, во время интервью с Иваном Федоровичем последним из оставшихся в живых участников тех событий, возникли непредвиденные обстоятельства. И командировку в Умань, где жил Иван Федорович, продлили в Бобруйск, где жила дочь другого героя.

Мягко говоря, биография Ивана Федоровича и просьба, с которой он обратился, не соответствовала стандартам советской патриотической риторики. Но за окном был восемьдесят шестой год, перестройка набирала силу и именно, эта нестандартность и несоответствие придавали материалу высочайшую

человечность.

Но и это не всё! Как выяснилось во время интервью, я должен исправить ошибку, которую допустил сорок два года назад в одном из первых своих военных репортажей. И другого времени не будет. После праздников ложусь в клинику, а прогноз врачей не утешительный.

Появление проводника сбило с мысли. Чтоб настроиться на материал, я включил диктофон и еще раз прослушал исповедь старого солдата Ивана Федоровича.

— Когда в сорок первом в село пришли немцы, мне полных годков шестнадцать было, чуток до семнадцати не хватало. Отец на фронте, жили с матерью и ее сестрой. Хозяйство по тем временам было неплохое. Немцы спешили наступать, потому оставив двух полицаев на три села, пошли дальше. Полицаи пьянствовали, никого не трогали, и их никто не трогал. Только в октябре приехал немецкий интендант, из трех поросят забрал двух, и еще взял четыре мешка овса. А через год, так как поросят больше не держали, забрали корову и весь овес. Кур и уток мать успела порезать. С уток было много жира. В этом жиру мы прокипятили птичье мясо, и закатали его в бочонки, которые я спрятал в лесу, в запасном погребе. А еще через год пришли наши. К тому времени мне

уже восемнадцать с половиной было.

Вызвали в НКВД. Так, мол, и так, возраст призывной, а находился я в оккупационной зоне. Никакие аргументы в оправдание не принимали. Хорошо, что в военной комендатуре дальний родственник оказался. Он нам похоронку на отца принес, а мы ему о новой беде поведали. Уж не знаю как, но переложил он мое дело из одной папки в другую и я, вместо штрафного батальона, попал в учебную роту, а затем на курсы артиллеристов.

Пока с моим делом разбирались, пока шли курсы, наши войска вплотную подошли к Белоруссии. Готовилось большое наступление, знаменитая операция «Багратион». Воинские части комплектовались по полному штатному расписанию и даже больше.

Командиром расчета назначили молоденького младшего лейтенанта, после училища. Остальные: я — заряжающий, Петя и Олег подающие, а наводчик старшина Николай Хомич. Причем Хомич это не отчество, а фамилия с ударением на первом слогe. Все кроме Хомича в бою небыли, зато Николай в армии с сорокового года. На Курской дуге был наводчиком на ЗИС-2, имел орден и несколько медалей.

На позицию пока не выдвигались, ждали новые орудия. Обучали нас на пятидесяти семи миллиметровых ЗИС-2, а ждали мы семидесяти

пяти миллиметровые ЗИС-3.

Скучать не пришлось. Был учебный образец, на котором тренировалась вся батарея. Но Хомич гонял дополнительно. Три шкуры драл, пока мы его нормативы не выполнили. Первый норматив это разворачивание орудия из походного положения в боевое. Затем обратно из боевого в походное. Особо придирчив был к позиции. То земля недостаточно ровная, то бруствер низкий, то окоп мелкий. А уж от команды «заряжай» до выстрела, вообще, требовал не более трех секунд.

Остальные расчеты отдыхали, набирались сил перед наступлением. А мы, как проклятые, ни дня, ни ночи. То тревога, то к бою, то отход, то наступление. Честно говоря, подозревали, что мстит нам Хомич. Ну, за то, что пол войны дома «спали». Младший лейтенант хоть и был формально старшим расчета, но «издевательства» Хомича сносил стойко. Понимал офицер, такому опыту ни в одном училище не научат.

Наконец, пришел эшелон с новыми орудиями. За день распределили пушки по расчетам, и дали день на «окончательное» освоение матчасти.

Ну, думали, всё, конец муштре! Теперь в бой.

Но не тут-то было. При внимательном осмотре Хомич обнаружил дефект. Прошелся по другим орудиям, посмотрел, и написал командиру рапорт. Оказалось, что затвор нашей пушки слегка

заедал, вернее, не достаточно легко скользил, а если совсем по-научному: не имел нужного теплового зазора. Разъяренный зам по тылу и инженер полка сами пришли осмотреть орудие. Был бы другой кто, и слушать не стали, а Хомича на кривой кобыле не объедешь — гордость полка. Тем более рапорт это бумага, если что, потом не отвертишься. Произвели пробные стрельбы. После шестого выстрела, когда металл от температуры расширился, дефект полностью себя проявил и сомнений не осталось. Послали запрос в тыл фронта о замене брака.

Пока ждали решения, поменяют ли все орудие или только затвор, батарея на тягачах выступила на позиции. Нашему расчету оставили двух лошадей и возницу Михайла Антиповича.

На следующий день, привезли новый затвор.

Только мы, в дорогу собрались, прибегает завскладом. Пришли ящики с новыми экспериментальными противотанковыми снарядами, надо взять на позиции. Их буквально доставили час назад и на нашу батарею выделили шесть ящиков.

«А чтоб тебе пусто было!» — подумали мы. Мы ж надеялись на лафете подъехать! Теперь на лафете поедут ящики.

Сама позиция, куда выдвинулась батарея, находилась в семнадцати километрах от штаба дивизии, почти у самой линии фронта. Но это если

по дороге ехать. А Хомич местный. Он до войны тут колхозничал. Вот и взялся старший сержант провести нас через поле, срезав, таким образом, километров пять.

Вряд ли бы товарищ младший лейтенант отклонился от маршрута, если б не приказ: к семнадцати ноль, ноль быть на позиции. А времени из-за задержки со снарядами оставалось в обрез.

Через два часа свернули с дороги, что петляла вдоль подлеска на бывшее колхозное поле.

И вправду, дорога через поле ровная, ни машинами, ни танками не битая, только иногда небольшие холмики типа курганчиков, метра два с гаком в высоту, торчали из земли. Солнышко греет, птички поют, красота, даже о войне забыли. И вдруг, впереди один взрыв, второй. Как бьют наши пушки, мы знаем, но это были не наши! Судя по карте, до позиций нашей батареи оставалось километра два с половиной.

Хомич глянул в трофейный бинокль.

— Что там? — офицер буквально вырвал бинокль у старшины.

Стоявшая в лесополосе и замаскированная от воздушных налетов их родная батарея двумя фланговыми атаками немецких танков была полностью уничтожена. По немецкой классификации это были три танка Т-3 и один модернизированный Т-4. Все орудия батареи

опрокинуты и раздавлены, а расчеты расстреляны из пулеметов. Сам бой длился несколько минут. Как батареицы прозевали атаку танков? Возможно, как и мы, перегрелись на солнышке.

Это потом, когда я выписался из госпиталя, то узнал откуда в нашем тылу немецкие танки. Оказывается, пока длилось затишье перед наступлением, немцы, от скуки решили поиграть в героев. Был у них такой майор Отто фон Штауфенбах., единственный сын графа фон Штауфенбаха, служившего в генеральном штабе Гитлера. Так вот этот майор для поддержания боевой формы, решил делать однодневные броски по нашим тылам. А чтоб героически настроенному майору не скучно было, кидали жребий, кто пойдет с ним в очередной рейд.

Несколько недель диверсанты терроризировали наши тылы. И прорывались, гады, каждый раз в разных местах и в разное время суток. А в тот день на их пути оказалась наша батарея. Застигнутые врасплох ребята даже орудия развернуть не успели. Хотя,... если б их дрессировали, как нас, то может и успели.

Расправившись с батареей, немецкие танки, было, повернули к линии фронта, как вдруг, головной Т-4 остановился, а затем пошел в нашу сторону.

Заметили, сволочи!

На полной скорости танки рванули к нам.

— Разворачивай! Гони к подлеску, быстрее, — скомандовал младший лейтенант.

Развернув лошадей, мы кинулись к спасительному подлеску, от которого еще недавно свернули. Но это была ловушка, уйти мы не успевали. Первым пришел в себя Хомич.

— Товарищ, младший лейтенант, не успеем! У них скорость вчетверо выше!

— Отставить панику! — командир был зол на Хомича. Шли бы сейчас вдоль подлеска, и спрятались без труда.

— Стой! — Хомич передернул затвор ПШШ. — Уйти не успеем, надо принимать бой.

— Ты с ума сошел! — командир стал расстегивать кобуру пистолета, — под трибунал захотел? Вперед, к подлеску!

Возница не знал что делать.

— Товарищ младший лейтенант, все равно убьют! А так хоть шанс есть? Вон хороший пригорок, идеальная позиция и снаряды с собой.

Командир колебался.

— Разворачивай на пригорок, — скомандовал Хомич.

Пока возница разворачивал, мы выхватили с лафета лопаты и стали готовить позицию.

Холм, выбранный Хомичем, оказался идеальным для стрельбы. За считанные мгновения

мы разровняли площадку, отсыпали бруствер и выкатили орудие на позицию. Не зря Хомич нас дрессировал.

Танки уже видны были без бинокля.

— Заряжай!

— Готово, — отрапортовал я, защелкнув затвор.

Младший лейтенант наблюдал за танками в бинокль, а Хомич в окуляр прицела. Расстояние быстро сокращалось. Один из танков, имея преимущество в скорости, вырвался вперед. Наконец, Хомич дернул шнур. Снаряд прошил головной Т-3 как консервную банку, и, видимо, попал в отделение боеприпасов. Боекомплект детонировал. Танк подбросило на правый борт и перевернуло башней вниз.

— Вот это снарядики! — радостно воскликнул Хомич, — мне б такие под Курском.

— Готово, — не дожидаясь команды «заряжай», отрапортовал я.

Танки стали петлять и лавировать. Следующие несколько выстрелов прошли мимо. Когда расстояние сократилось до восьмисот метров, Хомич подбил еще один танк, который тут же загорелся. Немцы остановились. Азарт сыграл с ними злую шутку. Теперь в ловушке были они. Ибо стреляя на ходу, попасть в наше орудие было невозможно, а отступить или наступать под огнем

такого меткого наводчика тоже верная гибель. Танкисты приняли единственно верное решение. Они спрятались за горящий танк и открыли по нам прицельный огонь.

Началась настоящая артиллерийская дуэль. Особо опасен был Т-4. У него, как и у нас было семидесяти пяти миллиметровое орудие. Густой черный дым горящего немецкого танка хорошо маскировал уцелевшие. Но и наше орудие за мощным природным бруствером было мелкой мишенью для их наводчиков. Немецкие снаряды либо пахали пригорок перед орудием, либо шли выше. Создалась патовая ситуация. Но боевой немецкий опыт взял верх.

Впопыхах мы не заметили, что рядом с нашей позицией был еще один холм. Он стоял чуть позади и левее, примерно, в десяти метрах от нашей позиции. Танкисты перенесли огонь на этот холм. Первый же веер осколков убил лошадей и возницу. Потом, младший лейтенант, схватившись за левый бок, со стоном повалился на землю. Хомич, не обращая внимания на осколки, все время командовал «заряжай». Сколько прошло времени не помню. Когда в очередной раз я оглянулся, оба подающих лежали мертвые.

— Снаряды к орудию, — оценив обстановку, командовал Хомич.

Ползком я добрался к лафету. В последнем

ящике оставалось три снаряда. Отложив винтовку, я потащил ящик к орудию. По уставу нельзя во время боя держать снаряды возле орудия, но бегать под градом осколков за снарядами было еще хуже.

Вдруг ветер изменил направление, и дым от горящего танка потянуло в другую сторону. Воспользовавшись ситуацией, Хомич подбил торчащий из-за укрытия еще один Т-3. Но нас тут нас накрыл очередной веер осколков. Я почувствовал сильный удар в левое бедро. Жгучая боль и кровь появились одновременно. Забыв про Хомича, я разорвал санпакет и стал бинтовать ногу. Кровь сочилась через бинт и вскоре нога повисла, как плеть. Когда я поднял вверх голову Хомич сидел, уткнувшись лицом в прицел. Я позвал, но ответа не последовало, он был мертв.

Обстрел со стороны немцев прекратился. Я зарядил последний снаряд, стянул Хомича на землю и кое-как взобрался на место наводчика. Рядом продолжал стонать младший лейтенант. Единственно чем я мог объяснить прекращение огня немцами это то, что у них тоже кончились снаряды. Не знаю, сколько прошло времени, но пауза была длинная. Наконец, последний уцелевший немецкий танк вышел из своего укрытия и на полной скорости пошел на меня.

Конечно, на курсах учили, как пользоваться прицелом, и что заряжающий должен в бою

заменить наводчика. Но одно дело экзамен, а другое реальный бой. К тому же, нога не просто болела, а горела огнем. Сделать прицельный выстрел, даже на таком минимальном для артиллерии расстоянии я не решился, и поступил по-другому: подпустил танк ближе. Правда танк мог свернуть и зайти с фланга, но он этого не сделал. Видимо, фашист поверил в гибель расчета, а раздавить гусеницами ненавистное орудие, отомстив за товарищей, посчитал долгом чести.

Расстояние быстро сокращалось. Я ничего не делал, чтоб танкисты не заметили шевеления орудия и не свернули на фланг. Сто метров, семьдесят, пятьдесят, тут я резко опустил ствол на прямую наводку и дернул за шнур. Снаряд попал в правую гусеницу танка.

Танк несколько раз повернулся вокруг оси. Снаряды у него действительно кончились, иначе он также, как и я, прямой наводкой покончил бы со мной. От танковых пулеметов защитил орудийный броневой лист. Наконец, кончились патроны и у пулеметчика. Щелкнул башенный люк, я услышал немецкую речь. Из люка вылезли танкисты и быстрым шагом направились ко мне. Автомат Хомича лежал в трех метрах, а винтовки подающих и моя вообще возле лафета. Попробовал шевельнуться в сторону автомата, но боль в ноге не позволила даже встать. Я перекрестился и стал

читать «Отче наш».

Вдруг, слева, из-за холма, по которому до этого стреляли немцы, раздались две очереди из ППШ. Я потерял сознание.

Восемь суток лежал в госпитале, не приходя в себя.

Потом мне рассказали. Волею случая, наш бой в стереотрубу из штабного НП наблюдал сам Рокоссовский. Именно по его распоряжению к нам на помощь прибыл разведвзвод. Так, что я крестник самого маршала. Через три дня после боя в газете «Красная звезда» появилась статья «Подвиг артиллеристов» с портретами меня и младшего лейтенанта. В статье говорилось, что заряжающий артиллерийского расчета младший сержант Иван Лынчук, будучи серьезно раненый, после смерти своих товарищей не растерялся и в одиночку вел бой с четырьмя танками противника. Толи разведчики, толи корреспондент, что-то напутали.

А еще через четыре дня, ко мне в палату пришел сам Рокоссовский. Правда, я был в бреду и его не видел, товарищи по палате рассказывали.

После выписки из госпиталя, меня комиссовали. До конца жизни пришлось ходить с палочкой. А лейтенант молодец, после лечения вернулся в полк.

Перед отъездом в Москву на вручение Звезды героя меня пригласил политрук полка. Именно ему

я рассказал, как всё было на самом деле, а он мне про Рокоссовского. По совету политрука я никому правду больше не рассказывал. Ибо для всех я стал официальным героем, на которого равнялись остальные артиллеристы, и снимать меня с пьедестала по идеологическим соображениям никак нельзя было.

Вот так я и жил с сознанием того, что ношу чужую награду. У Хомича осталась дочь, тут её адрес. Сам я не решился, а ты, браток, передай ей эту Звезду. Так и скажи, награда долго искала и вот нашла своего героя. Я очень болен. Думаю, скоро доведется встретиться с Хомичем. Так, чтоб не стыдно было ему в глаза смотреть. Ведь практически он тот бой и начал и победил, а все награды достались мне.

— Иван Федорович, а как сложилась ваша жизнь после войны?

— После возвращения домой меня вызвали в НКВД. Хотели узнать, каким образом я избежал штрафного батальона. Но награда и статья в газете сделали свое дело, от меня отстали. Вскоре узнал, что в Умани, на родине отца, открылся сельскохозяйственный техникум и я уехал из родных мест. Честно говоря, хотелось исчезнуть из поля зрения особистов. После учебы женился, устроился на хорошую работу и перевез к себе мать. Мама рассказывала, что искал меня в сорок

пятом какой-то военный, говорил однополчанин. Но я ей строго настрого запретил давать мой новый адрес. Для всех кроме матери я уехал в Москву учиться на инженера.

Да, и дело не только в особистах, стыдно мне было. Люди всю войну прошли, а я только в одном бою участвовал и сразу Звезда героя. Поэтому на новом месте я о наградах никому не говорил.

Десять лет работал агрономом в колхозе, потом пригласили преподавателем в техникум, где раньше учился. Вот так до сих пор и учу ребятшек.

Я выключил диктофон, перечитал написанный ранее текст и внес несколько правок. В дверь опять постучали. Проводник принес кофе.

— Неужели прошел час? — удивился я.

— Даже час двадцать две. Дел было много.

Проводник забрал пустые стаканы, деньги, поставил кофе и закрыл за собой дверь.

Я достал другую пленку. Это была запись интервью с дочерью Николая Хомича Верой Николаевной, к которой я ездил в Бобруйск. Именно её рассказ заставил меня переписать очерк заново.

— В Германии, куда нас вывезли, работала посудомойкой в одном из кафе на окраине Берлина. Но вскоре хозяин поставил официанткой. В школе я